

— ЭЛЕА НОР —

18+

ПЕСНЬ МЕЖДУМИРЬЯ

Часть 1: Сон Песни

В МИРЕ, ГДЕ ЗАПРЕЩЕНА ПЕСНЬ,
ОНА СТАНЕТ СПАСЕНИЕМ.

18+

Элеа Нор

Песнь Междумирья.

Книга 1: Сон Песни

<https://litres.ru/74363723>

SelfPub; 2026

Аннотация

В лучших традициях «Четвертого крыла» и «Королевства шипов и роз». Глубокий, чувственный и завораживающий роман в жанре New Adult.

В Едином Городе, построенном на шести Исполинах, правит Закон Тишины. Здесь запрещено петь, смеяться и смотреть друг другу в глаза. Каждый носит Маску Безмолвия — она скрывает лицо и самую суть человека.

Виена Солвейн выживает в Квартале Механиков. Она не знает, что внутри неё спит Песнь Творения, способная изменить этот мир.

Всё меняется, когда резонанс пробуждает её дар. В её мастерскую врывается ворон Междумирья и к ней попадает запретный фолиант.

Виена — первая за сотни лет, кто слышит пульс умирающей вселенной.

Система панически боится проснувшегося голоса.

Ей придётся выбирать: остаться в безмолвии или нарушить Закон.

Она ещё не знает, что за пределами Платформ, её ждёт другой Мир, который хранит тайны стёртого прошлого, а тот, кто ждёт её там, когда-то забыл абсолютно всё

Готова ли она к тому, куда ведёт её Песнь?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Элеа Нор

Песнь Междумирья.

Книга 1: Сон Песни

Глава 1

I. ДО ВСЕГО

До Времени не существовало мгновений.

До Пространства не существовало расстояний.

До Жизни не было дыхания.

Не было света и тьмы.

Не было ни материи, ни звёзд.

Не было жизни и смерти.

Была лишь Она.

Великая Тишина.

Она просто была.

Но Тишина не была пустотой.

Она спала.

И в бесконечном безмолвии, однажды, возник едва уловимый отклик.

...

Пришёл он.

Первый Звук.

«Эхо Сотворения»

Иара.

Пролог. Мир, который забыл, как звучать

Вселенная без музыки страшнее Вселенной без света.

Вселенная без света ещё может подарить надежду. Темнота не мешает людям встретиться. Отсутствие Песни лишает их возможности стать созвучными друг другу.

Вселенная без Песни забывает, зачем вообще существует жизнь.

Когда Первая Колыбель уснула — наступило время Великого Забвения.

Семь Первых Душ рассеялись по новым Колыбелям — мирам-снам. Мирам Забвения.

Каждый оказался там, где его собственная нота могла однажды снова прозвучать.

Так родилась Колыбель Тишины.

Мир, который забыл собственное сердце.

Но Мир, который забыл, как звучать, не был миром без звуков.

Он был миром, где был запрещён Резонанс.

И музыка оказалась лишь первой жертвой этого запрета.

Это был мир пара и стали.

Мир промышленных фабрик, башен, часовых механизмов и железной дороги.

Мир Шестерёнок.

Здесь всё работало безупречно.

Поезд приходил точно по расписанию.

Часы не ошибались.

Законы исполнялись.

Механизмы не ломались.

Почти.

Город дышал размеренно, словно огромный завод.

Вот только люди жили в мире, который однажды забыл

Песнь.

И с тех пор никогда не слышал собственной души.

Говорили, что когда-то, задолго до рождения нынешних поколений, произошла катастрофа.

О ней почти ничего не осталось в памяти.

Лишь одна мысль пережила века.

«Созвучие опасно».

Считалось, что именно оно однажды разрушило мир.

Не оружие.

Не война.

Не магия.

А способность людей входить в Резонанс друг с другом и с этим миром.

С тех пор всё, что могло соединить сердца, оказалось под запретом.

Запретили музыку, песни и танцы.

Потом — стихи, сказки, художественные книги.

Театры стали безмолвными.

Людей учили говорить коротко.

Смотреть недолго.

Смеяться тихо.

Плакать — только в одиночестве.

Даже дружба постепенно стала казаться чем-то странным.

Любое сильное чувство считалось угрозой.

Потому что чувства передаются.

Сердце отвечает сердцу.

А значит — входит в Резонанс.

Глава 1. Закон Тишины

Дождь моросил с самого рассвета.

Мелкий, холодный, почти невидимый. Он не шумел — лишь бесконечно оседал на мостовых, железных перилах и огромных цепях подвесных мостов, соединявших кварталы **Единого Города**. Влага впитывалась в ржавый металл, превращая каждый шаг в испытание.

Виена бежала.

Так быстро, как только можно было бежать по старому подвесному мосту. Под ногами скрипели металлические настилы, мост покачивался из стороны в сторону, словно огромный маятник, а цепи, державшие всю конструкцию, жалобно стонали при каждом порыве ветра.

Только бы успеть...

Уже не в первый раз она опаздывает на службу.

Сегодня к ней в мастерскую обещал заглянуть сам помощник главного Архивариуса, Мастер Унис. Его дочурка, Идит, сломала очередной хороший механизм, чем он был крайне недоволен и требовал как можно скорее вернуть всё на свои места.

Виена улыбнулась, вспомнив, как Мастер Унис обычно отчитывал девочку:

— Идит, не торопись делать. Сначала подумай. История не любит поспешных решений.

Сколько раз она слышала эту фразу. Но маленькая любопытная непоседа никогда его не слушала. Болтливая, смешная, добрая — Идит вообще не умела сидеть спокойно. Прямо как сама Виена в детстве.

Перед глазами всплыл образ девочки: пухлые щёчки, большие серые глаза, вечно растрёпанные русые волосы, собранные в две кривые косички, и веснушки на носу.

Крошка Идит...

На сердце стало тепло, но...

Мысли лопнули, как мыльный пузырь. Поезд вот-вот должен был отправиться, а до перрона оставалось ещё добрых полсотни шагов.

Я обещала быть вовремя. Не успеваю!

Поезд никогда не опаздывал.

Никогда.

Виена помнила это с детства — так же твёрдо, как то, что туман убивает, а маски спасают. За точностью секунд следи-

ли Архитекторы. Каждый день. Каждый час. Они были невидимыми хранителями порядка, и их главным инструментом оставалась **Стрела** — единственный поезд, бесконечно ползущий по кольцу вокруг шести Исполинов.

С высоты, как поговаривали, Город походил на шестерню. Исполины — её ось. Поезд — стрелка часов. Виена никогда не видела этих улиц сверху — ядовитый туман скрывал всё, что поднималось выше Платформ, — но она верила. Слишком уж правильно всё было устроено. Слишком безупречно. Будто кто-то действительно выточил этот мир, как деталь.

Кто? Архитекторы? Лига Механиков? Или те, кто жил ещё до появления Лиг? Архивариусы лишь пожимали плечами — самые древние страницы летописей давно исчезли.

Но одно знали все.

Если однажды остановится Поезд — остановится весь мир.

Эта мысль всегда казалась Виене странной. Мир — такой огромный, такой сложный — и держится на одном поезде? Но она никогда не спорила. Оспаривать то, что исправно работает веками, было бесполезно. Даже опасно.

Она перепрыгнула через выступившую клёпку — и едва не поскользнулась. Подошва поехала по мокрому металлу, сердце ухнуло, но Виена удержалась, мертвой хваткой вцепившись в поручень. Железо обожгло ладонь холодом.

Ледяная капля скатилась за воротник, заставив вздрогнуть. В тот же миг морось превратилась в настоящий ливень.

Потоки воды хлестнули по мосту, по тяжелым цепям, по ее плащу. Она резко натянула капюшон — ткань мгновенно потяжелела от влаги.

И Виена снова рванула вперед — навстречу причалу, где уже должен был прозвучать первый гудок Стрелы.

Опять... Ну зачем я снова засиделась до самого рассвета? Почему не легла спать вовремя? — корила она себя.

Ответ был прост. На её рабочем столе лежал загадочный артефакт.

Станный. Незнакомый. Невероятно красивый.

Она присидела над ним всю ночь. Не потому, что была обязана. Просто не смогла остановиться. Ей необходимо было понять, кто его создал, как он устроен и почему внутри одних шестерёнок скрывается другая, ещё более сложная система.

Но больше всего её не отпускала одна догадка. Почему, когда она случайно провернула одну из крошечных пружин... он вдруг издал звук?

Это был не скрип. Не щелчок. Не привычный свист пара. Совсем другое.

Тихое. Чистое. Почти... живое.

Она тогда даже замерла, боясь пошевелиться.

— Забавный шум... — заворожённо прошептала Виена в пустоту мастерской.

Этот отзвук был настолько необычным, что казался чужим всему Городу. Словно устройство не просто работало...

а пыталось что-то сказать.

Виена осторожно провернула пружину ещё раз. Потом ещё. И ещё.

Но чудо больше не повторилось. Лишь привычно защёлкали зубцы, тихо зашипел пар, и комнату вновь заполнила обычная механическая жизнь.

Однако воспоминание о странной ноте уже не отпускало её. Оно крутилось в голове всю ночь, не позволяя сомкнуть глаз. И теперь Виена расплачивалась за собственное любопытство, отчаянно пытаясь успеть на Стрелу.

До Причала оставалось шагов тридцать.

Только не упасть, только не упасть... — мысленно умоляла она себя.

Впереди, сквозь густую белёсую дымку, наконец проступили огни платформы. И почти сразу воздух прорезал низкий, протяжный гудок.

Первый.

Виена вздрогнула. До отправления Стрелы оставались считанные мгновения. Она ускорила бег.

Дождь становился всё сильнее, а вместе с ним сгущалась и серая взвесь. Она была повсюду: заполняла улицы, окутывала переходы, медленно сползала по тяжелым цепям, словно живое существо. Иногда Виене казалось, что туман не просто висит в воздухе, а наблюдает за ней.

Жители давно перестали обращать на него внимание. Для них этот морок оставался таким же привычным, как ливень,

ржавчина на перилах или скрип старых мостов. С самого детства им твердили одно и то же:

— За пределами тумана ничего нет.

Или, что ещё хуже:

— Там есть то, чего лучше никогда не видеть.

Поэтому никто не пытался уходить дальше шести Исполинов. Да и куда идти, если мир заканчивался плотной белой пеленой?

Сегодня она казалась особенно густой. Настолько, что городские фонари зажгли задолго до полудня. Их тёплый янтарный свет тонул в молочной мгле, так и не успевая коснуться мостовой. Будто сам Единый Город медленно растворялся в собственном ядовитом дыхании.

Но в этом не было ничего необычного. Так было всегда. Никто уже не помнил иных времён.

Второй гудок.

Нет... нет... только не сегодня...

Теперь Виена почти бежала. В плотной людской лавине Квартала Механиков это давалось с трудом. Непослушные, густые волосы — тёмные, как чернила, и обычно спадавшие мягкими волнами чуть ниже плеч, — от сырого Тумана мгновенно отсырели, затяжелели и то и дело яростно лезли в лицо, липнув к скулам и мешая сориентироваться. Она в панике смахивала эти выющиеся от влаги пряди испачканными в масле пальцами, не замечая, как оставляет на коже грязные следы. Девушка слишком спешила. Единственное, что

она остро ощущала, — холодный пластик защиты снова до крови натирал мокрую кожу, а в пересохшем горле застрял комок.

Маска натирала мокрые щёки. Она терпеть её не могла.

И вовсе не потому, что соналит казался тяжёлым. Наоборот. После обработки эта редкая белая руда, добываемая глубоко под землёй, у самых корней Исполинов, становилась легче дерева и прочнее стали. И не потому, что даже сквозь множество тончайших фильтров под ней всё равно было трудно дышать.

Защитная пластина пахла холодным металлом. Машинным маслом. Высушенными лекарственными травами. Со временем к этому запаху привыкали почти все. Но Виена — так и не смогла.

Больше всего она ненавидела другое. Каждый раз, надевая её, она чувствовала, будто между ней и миром опускается невидимая стена. Дышать становилось труднее. Говорить — осторожнее. Улыбаться — бессмысленно. Никто всё равно этого не увидит. Даже собственный голос казался чужим. Глухим. Приглушённым. Словно слова рождались уже не внутри неё, а где-то по другую сторону холодного металла.

Иногда казалось, что вместе с соналитом она надевает чужую жизнь. И каждый день понемногу забывает собственную.

На ходу она машинально провела пальцами по прохладному краю. Белый матовый материал почти сливался с ко-

жей. Он повторял линию скул и подбородка так точно, словно являлся частью лица. Лишь вдоль нижнего края тянулись тонкие прорезы воздухозаборников, а по бокам едва заметно поблёскивали серебристые крепления фильтров.

Слишком красивая для вещи, созданной скрывать человека.

Твою ж шестерёнку...

Говорили, эти пластины защищают лёгкие. **Туман** убивает. Ежегодно публиковали новые исследования, а **Лига Учёных** без усталости объясняла: Нижний Туман поднимается из бездны под Городом и медленно разъедает ткани. В школах детям с малых лет внушали простое правило: маска сохраняет жизнь.

Свою первую защиту они надевали в шесть лет — в День Взросления. Снять её можно только дома, в комнате общежития, во время еды и сна или по разрешению Целителей. Во всех остальных местах лицо должно быть закрыто. За нарушение закона были предусмотрены суровые наказания.

— Ну вот опять...

Виена на бегу поправила ремешок. Иногда ей до боли хотелось сорвать эту проклятую вещь и вдохнуть полной грудью. Хотя бы раз.

Никто уже не помнил времени, когда люди ходили с открытыми лицами. Все привыкли. Никто больше не задавал вопросов. Да и спрашивать здесь было не принято.

Закон Тишины этого не позволял.

А закон есть закон:

«Каждый житель города обязан носить Маску Безмолвия вне дома».

Без исключений.

Она закрывала нос, рот и подбородок. Отлитая из белого соналита, пластина точно повторяла черты лица, делая их почти безупречными. Слишком правильными. Слишком спокойными и одинаковыми.

Но именно это и пугало. Защита стирала всё человеческое. Казалось, будто мастер не создавал облик заново, а осторожно удалял с него всё лишнее: улыбку, усмешку, прикушенную от волнения губу, едва заметную дрожь. Кривую ухмылку. Поцелуй. Даже крик.

Виена прекрасно знала устройство этих изделий. В конце концов, именно она их создавала и ремонтировала.

Внутри, там, где должен был находиться рот, располагалась тонкая латунная решётка. За ней скрывался сложный механизм из миниатюрных резонаторов, мембран, воздушных фильтров и крошечных клапанов. Именно он делал невозможным самое главное — услышать настоящего человека.

Стоило кому-нибудь заговорить, как соналит сглаживал интонации, гасил дрожь, стирал эмоции и выпускала наружу уже совершенно другой голос.

Спокойный. Ровный. Без возраста. Без страха. Без радости.

Все звучали одинаково. Будто сам Город вещал их губами. Словно слова произносил уже не человек, а сам Закон Тишины чеканил свои приказы.

Архивариусы даже шутили: «Соналит запоминает голос лучше, чем человек — лицо».

Каждая Лига украшала белые пластины собственным узором. Это было единственное отличие, которое дозволялось законом. Маску можно было почти назвать произведением искусства. Но... искусства холодного, мертвого.

Виена сердито дёрнула ремешок.

Когда-нибудь я всё-таки разберу тебя по винтикам...

Она тихо фыркнула. Белая маска, разумеется, ничего не ответила.

Впрочем... как и всегда.

Причал был переполнен.

Люди стояли плотными рядами. Молча. Сотни безмолвных мужчин, женщин и подростков. Все в масках. Никто не разговаривал, никто не смеялся, никто не спорил. Толпа тихо ждала прибытия Стрелы.

Лишь дождь аккуратно шуршал по металлической кровле станции, да где-то внизу глухо гудели насосы. Далеко, за пределами платформы, тяжело и размеренно дышали огромные машины, поддерживающие жизнь Единого Города.

Тишина стала настолько глубокой, что превратилась в часть общего гула. Естественная, как ливень. Как туман. Как

ржавчина на перилах.

И вдруг — крик. Детский. Громкий. Настоящий.

Виена обернулась. Маленькая девочка — лет шести, не больше — вырвалась из рук матери и с разбегу бросилась к краю платформы, прямо под капли. Волосы разметались, белая пластина болталась на шее — ребенок просто не успел её застегнуть.

Малышка смеялась. Громко. Счастливо. Так, как умеют только дети.

Мать метнулась следом, перехватила тонкое плечо, при-тянула дочь к себе. Несколько резких движений — соналит встал на место. Девочка онемела. Всего на мгновение. А потом снова попыталась сорвать пугающую вещь.

— Нельзя, — тихо, без интонации, проговорила женщина. — Нельзя без маски. Туман убивает.

Девочка замерла. А после спросила — так, как спрашивают только дети, которые ещё не знают, что вопросы бывают опасны:

— А зачем он нас убивает?

Мать не ответила. Только поправила крепления, плотнее прижала белый соналит к детским щекам и отвернулась к путям.

И никто вокруг не проронил ни слова.

Сотни людей в белых масках стояли неподвижно. Никто не посмотрел на ребенка. Никто не улыбнулся. Никто не пожал плечами. Словно ничего не произошло. Словно крика

никогда не было. Словно смех им просто послышался.

Виена смотрела на девочку, и внутри неё что-то болезненно сжалось.

Ещё не привыкла... Ещё помнит, как это — быть живой.

И в тот же миг она поймала себя на мысли, что отчаянно завидует. Завидует этому короткому, глупому, запретному смеху.

Закон Тишины гласил: «Покой рождает порядок. Порядок сохраняет жизнь». Она знала эти слова с детства. Но почему-то никогда не чувствовала их правды.

Из медных труб с шипением вырывался Эхо-пар:

ш-ш-ш-ш...

Третий гудок.

Поезд медленно дрогнул. Колёса тихо лязгнули о рельсы. Тяжелый состав плавно двинулся вперёд.

— Подождите!

Виена сорвалась с места. Один прыжок. Второй. Пальцы ухватились за холодный латунный поручень. Подошва поехала по мокрой ступеньке, сердце ухнуло куда-то вниз.

Она рывком подтянулась внутрь. Двери с глухим щелчком сомкнулись за её спиной.

Виена согнулась, уперев ладони в колени. Сердце колотилось так громко, что его стук, казалось, заполнял всё пространство вокруг. Она шумно выдохнула сквозь фильтры.

И только тогда позволила себе улыбнуться под белым соналитом.

Успела...

Глава 2

Глава 2. Девушка, которая слышит

Как всегда. Внутри было тесно.

Час службы. Вся Лига Механиков ехала в мастерские.

Люди стояли плечом к плечу. Капли дождя с мокрых плащей стекали на металлический пол. Поникие плечи. Потухшие взгляды сквозь прорези соналита. Никаких разговоров. Никаких эмоций. Кто-то устало держался за поручень. Кто-то дремал стоя.

Каждый смотрел либо себе под ноги, либо в мутное стекло окна.

Виена тоже повернулась к стеклу. За ним медленно проплывал её мир. Огромный. Молчаливый. Величественный.

Мир гигантских деревьев.

Исполинские стволы уходили куда-то вверх, скрываясь за бесконечной кроной, растворяясь среди облаков. Таких столпов было шесть. Шесть живых колонн, удерживающих весь Единый Город.

Жители называли их просто: **Исполин Первый. Исполин Второй. ...Исполин Шестой.**

Никто не знал, сколько им лет. Никто не помнил, кто их посадил. Никто даже не задавался этим вопросом. Растительные титаны были настолько колоссальными, что человек не мог увидеть ни начала, ни конца. Корни исчезали глубоко-

ко в серебристом тумане. Вершины терялись высоко в облаках. Казалось, будто сами древесные стволы подпирают небосвод.

Никто никогда не видел их вершин. Старые книги утверждали, что где-то выше существует небо. Настоящее. С солнцем. Облаками. Даже... звёздами. Но древние страницы часто ошибались. Или так говорили Архивариусы.

Вокруг шести Исполинов проходила гигантская кольцевая железная дорога. Она шла по окружности всей Великой Шестерни.

По ней день и ночь двигался единственный поезд — Стрела. Состав был настолько длинным, что, когда голова поезда прибывала на станцию, последние вагоны ещё скрывались за несколькими кварталами. Некоторые дети думали, будто это не транспорт. Будто это огромное живое существо, которое бесконечно ползёт вокруг мира.

За спиной Виены мужской голос негромко произнёс: — Какой следующий Причал?

— Шестой, — ответил ему кто-то.

— Вы выходите?

— Нет.

— Тогда позвольте пройти.

Они поменялись местами. Никаких извинений. Никаких кивков. Даже невозможно было понять, молод был мужчина или стар. Все голоса соналит заставлял звучать одинаково.

Виена знала каждую из шести Платформ. Не по карте —

по запахам, звукам и по тому, как менялся свет за окном.

Первая всегда пахла стерильной чистотой и сухими травами — там жили Целители, а высоко над ними, в шпилях башен, скрывались Архитекторы. Виена никогда не посещала Первую Платформу. Никто из Механиков там не бывал. Только служители медицины имели туда доступ.

Третья встречала гарью, раскаленным металлом и машинным маслом — здесь находилась её мастерская, её дом.

Четвёртая отдавала старыми книгами и чернилами; на этом ярусе делили пространство Учёные и Архивариусы.

Пятая манила ароматами специй и свежего хлеба. Там всегда оставалось шумно, насколько это вообще дозволялось Законом. Там заправляла мадам Парфе, знаменитая своими чесночными булочками.

А Шестая... Шестая пахла ржавым железом и глухим страхом. Там располагались казармы Надзирателей. И именно оттуда спускались вниз, к самым корням Исполинов, несчастные, которых отправляли в Шахты.

Вторую Виена знала хуже всего. Потому что её не существовало.

Почти.

Каждая подвешенная в воздухе обитаемая зона являлась целым миром, отдельным кварталом со своей Лигой, своими правилами и атмосферой. Их удерживали соседние Исполины — живые колонны, выросшие корнями в туман. Если бы не эти растительные титаны, массивные конструкции рухну-

ли бы вниз, в бездну, где, по слухам, вообще ничего не было. Или таилось то, чего лучше никогда не видеть.

Виена смотрела в окно на проплывающие мимо ярусы, и ей всегда казалось странным, что люди живут здесь, упорно не глядя вниз. Не замечая, на какой тонкой нити всё держится.

Шесть маленьких миров. И все висят на живых деревьях.

Грузовые лифты медленно ползли по могучим стволам. Огромные площадки, гружёные древесиной, металлом и мешками с зерном, поднимались и опускались без остановки. Где-то выше, в недостигаемой кроне, работали водоподъёмные станции. Виена никогда не видела их вблизи, только слышала, как они гудят по ночам — низко, ровно, будто лесные титаны дышали во сне.

Из живой древесины круглые сутки добывали прозрачный сок. Тот самый, что после очистки становился водой для всего Города. Он тёк по трубам, резервуарам и насосам, и никто в толпе не задумывался, что капля, попадающая в кружку, ещё вчера циркулировала внутри Исполина.

Они не просто держат мир. Они кормят его. Поят. Позволяют жить.

Она смотрела на огромный ствол за стеклом и чувствовала, как внутри неё шевелится что-то древнее. Благодарность? Страх? Или то, что люди давно позабыли: они сами — тоже часть этих деревьев.

Виена улыбнулась. Ей всегда нравилось смотреть в окно.

Даже если вокруг все предпочитали изучать рифлёное железо под собственными ногами.

Рядом стояла пожилая женщина с корзиной деталей. Виена машинально придерживала её за локоть, когда вагон ощутимо качнулся.

— Спасибо, — глухо прозвучал голос из-под маски.

— Не за что.

Женщина чуть помедлила.

— Хорошего дня.

Виена удивлённо подняла глаза. Такие слова в Городе говорили исчезающе редко.

— И вам...

Собеседница едва заметно кивнула.

Поезд ехал дальше. Огромное железное кольцо соединяло все кварталы, и состав никогда не сходил с этого пути. Один и тот же маршрут. Одни и те же остановки.

Кроме одной...

Второй Причал всегда был закрыт. **Запрещённый** — так звали его люди. Стрела никогда там не останавливалась. Лишь каждый раз... словно нехотя... замедляла ход. А потом вновь ускорялась. Будто помнила, что когда-то здесь должны были ждать пассажиры.

В детстве Виена однажды спросила маму: — А что там?

Мать долго молчала. Потом тихо ответила: — Никогда не смотри туда.

И больше ни разу не возвращалась к этому разговору.

Но Виена всматривалась туда каждый раз, когда состав проходил эту часть пути. Она и сама не понимала, зачем. Сердце начинало биться иначе. Будто узнавая место, которого она никогда в жизни не видела. В груди появлялась странная, необъяснимая тоска. Тихая. Глубокая. Что-то звало её... Словно она проезжала не мимо заброшенной платформы... а мимо родного дома.

Стоит только выйти здесь... и я наконец вспомню что-то очень важное.

Но поезд никогда не открывал двери.

За Причалом не просматривалось ничего. Только старая заброшенная Платформа. Ржавые фонари. Закрытые ворота. И густой туман. И всё же иногда Виене чудилось... что за белой пеленой кто-то стоит. Ждёт.

Но потом, когда Стрела начинала вновь набирать скорость, это странное чувство исчезало так же внезапно, как и появлялось. Словно кто-то снова захлопывал перед ней дверь.

Поезд мягко дёрнулся.

Остановка.

Толпа сразу пришла в движение. Люди молча направились к выходу.

Прямо перед Виеной двигался мужчина с тростью. Он был настолько стар, что шел очень медленно. Слишком медленно для общего яростного потока. Кто-то случайно толкнул его плечом. Потом ещё один.

Деревянная опора выскользнула из дрожащих пальцев и звонко ударилась о металлический пол. Никто не остановился. Люди просто обходили её, словно ничего не произошло.

Виена наклонилась. Подняла трость. Аккуратно вложила её обратно в старческие руки.

— Держите.

Старик поднял на неё удивлённый взгляд. В его глазах было столько усталости, что казалось, он прожил несколько человеческих жизней. Он хотел что-то сказать. Губы едва заметно дрогнули.

— Спа...

Он не договорил. Виена уже улыбнулась глазами, махнула рукой и исчезла в людском потоке.

Старик долго смотрел ей вслед. А потом... совсем незаметно улыбнулся под белым соналитом. Будто впервые за много лет вспомнил, как это делается.

Уже у самых дверей Виена невольно оглянулась. Мужчина все еще стоял там. На мгновение его взгляд испуганно метнулся в сторону, словно он сам испугался того, что только что осознал. Старая память хранила секреты, которые Город пытался выжечь. И в этом безмолвном, потрясенном взгляде читалось то, чего он боялся сильнее всего:

Она всё ещё слышит...

Глава 3

Глава 3. Мастерская Масок

В мастерскую Виена влетела буквально за мгновение до того, как по металлическому мостику послышались знакомые размеренные шаги. Она заметила их хозяина ещё на Платформе, когда вышла из вагона.

Так ходил только **Мастер Унис**.

Архивариусы никогда не спешили. Не потому, что берегли силы. Просто люди, всю жизнь прожившие рядом с прошлым, переставали подчиняться суете настоящего. Казалось, время вокруг них текло немного медленнее.

Виена же была их полной противоположностью. Словно внутри неё жил ветер, который не умел останавливаться.

Уф... успела...

Она торопливо перевела дыхание, унимая бешеный стук сердца. Скинула промокший насквозь плащ и повесила его сушиться возле маленькой, налитой домашним теплом печки. Поставила тяжелую сумку на верстак. Ее темные густые волосы, отсыревшие от Тумана, закрутились на концах в упрямые кольца и путались, едва касаясь лопаток. Одним быстрым, привычным движением Виена собрала эти непослушные влажные пряди в небрежный хвост на затылке, чтобы не мешали работать.

Она поправила защитные очки, сдвинув их на лоб, и завя-

зала на талии плотные лямки кожаного фартука. В этот миг ее большие выразительные глаза — серо-зеленые, с теплыми янтарными искрами в самой глубине — утомленно блеснули. Они всегда «улыбаются» гораздо раньше губ, но сейчас в них отражалась лишь усталость.

И именно в это мгновение входная дверь мастерской... жалобно, нутужно скрипнула.

Виена обреченно зажмурилась.

Ну конечно... Опять... Надо наконец смазать эти проклятые петли. Каждый божий день забываю...

Пальцы мастерицы уже потянулись к латунной маслѐнке, когда в помещение уверенно вошёл посетитель.

Мастер Унис недовольно покосился на дверной створ, но ничего не сказал. Ему явно не понравился шум. Закон Тишины обязывал лишать предметы любых лишних звуков, а она опять упустила важную мелочь.

Виена виновато улыбнулась глазами.

Исправлю. Сегодня. Обязательно.

А потом спохватилась и добавила вслух: — Доброе утро, Мастер Унис.

Архивариус лишь коротко кивнул. Он никогда не упрекал, да и в целом редко говорил больше необходимого.

Помощник главного Архивариуса был высоким мужчиной лет пятидесяти. Как всегда — безукоризненно прямой. Без единого лишнего движения. Его походка казалась удивительной, словно каждый шаг, поворот головы или жест под-

чинались ходу невидимого, идеально отлаженного часового механизма. Точно выверенный. Спокойный.

Виена иногда думала, что если Архивариус случайно уронит книгу, то она будет падать минут десять.

Белая маска Архивариусов скрывала половину лица. Матовый соналит почти не отражал свет, но не казался холодным. Скорее — спокойным, будто за долгие годы успел впитать тепло своего владельца. По поверхности расходились тонкие серебряные линии, напоминавшие прожилки со старого листа или строчки древней рукописи. По бокам почти незаметно скрывались резонаторные камеры.

Архивариусы говорили: пластина скрывает не человека, она скрывает всё лишнее. Лицо. Возраст. Усталость. Красоту. Остаётся только Хранитель. И Память.

Но именно это изделие Виена узнала бы среди сотен других. Полтора года назад её изготовила она сама.

Тогда Мастер Унис заказал новую защиту — старая уже плохо очищала воздух. По правилам Лиги рисунок обязан был быть одинаковым для всех служителей Памяти. Однако девушка всё-таки нарушила правило. Совсем чуть-чуть. Под одной из серебряных линий она спрятала крошечный листочек, не больше рисового зёрнышка. Его невозможно было заметить, если не знать, где искать. Но Виена знала, что он там есть. И почему-то от этого тайного бунта ей становилось теплее.

Мастер Унис подошёл к прилавку. Поставил кожаную

сумку — совсем бесшумно. Аккуратно расстегнул ремешок, развернул плотную ткань.

Внутри лежала маленькая детская маска. Белая. Совсем новая. Только... с длинной трещиной возле левого фильтра.

Виена сразу всё поняла. — Идит?

Мастер Унис устало кивнул. — Опять...

Даже сквозь фильтры его голос звучал почти без интонации. Он ненадолго замолчал, будто даже тратить лишние слова было утомительно. А потом едва заметно показал рукой. Скупой жест: удар, стена.

Виена мгновенно представила маленькую девочку. Наверняка снова сняла защиту, подержала её в руках, а потом... бах! Об стену. И механик едва не рассмеялась.

— Снова решила проверить, что крепче — соналит или стена?

Во взгляде Архивариуса будто мелькнула улыбка. Или ей только показалось.

— На этот раз победила стена.

— Значит, соналит ещё неплохо держался.

— Стена тоже.

Несколько секунд они провели в молчании.

— Сколько ей теперь?

— Шесть.

— Совсем недавно получила защиту?

— Третий месяц.

Виена ласково провела пальцем по излому.

Дети. Все одинаковые. Первые месяцы они ненавидели **Маски Безмолвия**. Им было жарко. Неудобно. Хотелось смеяться. Кричать. Показывать язык друг другу. А белый материал... словно забирал часть их самих. Потом привыкали. Как привыкали все.

Она этого всегда боялась больше всего. Не трещин. Не сломанных фильтров. А момента... когда ребёнок сдаётся и перестаёт пытаться освободить лицо.

— Привыкать не хочет?

— Пока нет.

— И слава Исполину.

Архивариус впервые за всё утро посмотрел на неё чуть внимательнее. — Почему?

Она ещё раз погладила детское изделие. Очень бережно. Почти как живое существо. — Пока ребёнок пытается снять маску... он ещё помнит, что значит быть свободным.

В мастерской повисла тишина. Не тяжёлая — задумчивая. Голос Униса прозвучал неожиданно мягко.

— Вы всегда говорите опасные вещи, мастер Виена.

Она смущённо пожала плечами. — Только когда забываю подумать.

На этот раз ей показалось, что Архивариус действительно улыбнулся. Совсем немного. Так скупое, что этого не смогла бы зафиксировать ни одна мембрана соналита.

Он снова перевёл взгляд на верстак. — Исправите?

— Конечно, — Виена внимательно осмотрела поврежде-

ние. — Ничего страшного. Фильтр цел. Резонаторы не пострадали. За два дня всё сделаю. Заменю внутреннюю пластину, усилю крепление и отполирую материал. Через сорок восемь часов Идит даже не вспомнит, что разбила её.

— Она вспомнит.

— Почему?

— Потому что попробует ещё раз.

Виена тихо рассмеялась. — Это точно.

Унис застегнул сумку. Уже собираясь уходить, он вдруг остановился у порога. — Если возможно... — мужчина немного поколебался. — Она очень просила оставить... рисунок.

Виена удивлённо посмотрела на него. — Какой рисунок?

— Цветок.

Девушка снова опустила взгляд на белую поверхность. И только теперь заметила. Возле подбородка, совсем криво, детской рукой, карандашом был набросан маленький цветок. Пять лепестков. Изогнутый стебелёк.

Дети всегда рисовали то, чего им отчаянно не хватало. Кто-то — забавных человечков. Кто-то — раскидистые деревья. И почему-то почти никогда — идеальные шестерёнки.

Она долго молчала. Потом осторожно провела по рисунку пальцами. — Не сотру. Трещину уберу. Но цветок останется. Даже если придётся перестроить весь корпус.

Впервые за всё время глаза Мастера Униса изменились. Совсем чуть-чуть. Будто где-то очень глубоко промелькнула

искренняя благодарность.

— Спасибо.

Он взял сумку и неспешно направился к двери.

На этот раз Виена успела первой. Быстро достала маслѐнку, пустила несколько капель на петли и осторожно толкнула дверь. Та открылась почти без звука.

Архивариус остановился. Посмотрел на неё и, будто прочитав её мысли, добавил: — Соналит хорошо запоминает не только голос. Он запоминает руки мастера.

Потом... едва заметно кивнул ещё раз. И ушёл.

В мастерской снова стало тихо.

Виена осторожно подняла детское изделие. Поднесла к свету. И шёпотом сказала сама себе: — Цветок обязательно останется... Потому что детям нельзя запрещать помнить, что мир может быть красивым.

И почему-то подумала:

Никто не рождается для того, чтобы привыкнуть к молчанию.

Она ещё не знала... что именно эта маленькая трещина в белом соналите однажды станет первым шагом к излому во всём Законе Тишины.

Глава 4

Глава 4. Тень Тумана

День тянулся удивительно долго. Иногда Виене казалось, будто стрелки часов намеренно сбавляют ход именно тогда, когда она ждёт окончания службы.

Работы сегодня оказалось особенно много. На широком деревянном верстаке одна за другой появлялись Маски Безмолвия. Одни — для ремонта, другие — для обслуживания, третьи — для полной переборки.

Виена любила этот момент. Когда пальцы сами находили нужный винтик, когда отвёртка ложилась в ладонь без единой лишней мысли. Она снимала внутренние панели, доставала фильтры, вычищала серую угольную пыль из медных каналов. Меняла кассеты. Подтягивала пружины. Смазывала шарниры — чтобы ни один звук не выдал движения.

Иногда приходилось перебирать дыхательный резонатор. Самое сердце устройства. Именно этот узел делал голоса одинаковыми: сглаживал интонации, гасил дрожь, стирал всё человеческое.

Виена знала каждую маску, как знают лица сограждан. И у каждого соналита был свой характер. Одна — строгая, с идеальными линиями. Другая — чуть мягче, с едва заметной гравировкой, которую никто, кроме неё, не обнаружит.

Закон требовал одинаковости. Но люди — нет.

Поэтому она всегда находила способ оставить человеку маленькую индивидуальность. Где-то изменить рисунок. Чуть иначе изогнуть серебряную линию. Добавить крошечный листочек. Шестерёнку. Звезду. Никто никогда не жаловался. Наоборот — люди возвращались именно к ней. словно сами не понимая почему.

К вечеру на полке уже стояли одиннадцать готовых изделий.

Виена довольно потянулась.

Кажется... можно наконец поесть.

Она открыла маленький шкафчик. Пусто. Другой — почти пусто: кусочек давно засохшего сыра, несколько твёрдых баранок и пакетик любимого мятного чая.

Виена грустно вздохнула.

Значит... просто чай.

Через несколько минут по мастерской уже разливался тонкий травяной аромат.

Она закрыла входную дверь, повернула табличку с надписью «Перерыв» и впервые за весь день расстегнула крепления на затылке.

Свежий воздух приятно коснулся открытого лица. Виена улыбнулась. Всего несколько минут свободы, но каждый раз это чувство было неизменным. Будто исчезала невидимая стена между ней и миром.

Она уже поднесла кружку к губам... но, не успев сделать первый глоток, услышала знакомый звук.

Щелчок. Скрип.

Виена зажмурилась и резко открыла глаза.

Ну конечно... что за чертовщина...

Тяжёлый створ снова предательски застонал. Сколько бы она его ни смазывала, металл отказывался подчиняться.

На пороге стоял человек в чёрном.

Капитан городской Стражи.

Дэрис Калей.

Он не вошёл сразу. Лишь остановился в дверном проёме.

Высокий. Широкоплечий. Совершенно неподвижный.

Будто сначала позволял комнате привыкнуть к своему присутствию. На плечи спадали густые тёмные волосы. Чёрный форменный плащ сидел без единой складки.

Но взгляд притягивало совсем другое.

Его защита была иной — угольно-чёрной, матовой. Она не отражала свет, а словно поглощала его. Виена знала технологию: сначала отливали такую же белую основу, как и для всех, а затем подвергали особой обработке. И соналит становился тёмным, как глухая ночь, как ядовитый Нижний Туман, как тень, не желающая быть замеченной. Никаких украшений. Никаких орнаментов. Только строгие линии, узкие вертикальные прорезы дыхательной решётки — словно опущенные створки железных ворот. И маленькое клеймо: чёрная шестерня внутри замкнутого круга.

Их делали такими, чтобы никто не видел лица Стража. Чтобы нельзя было понять, куда направлен его взгляд. Что-

бы человек постоянно чувствовал себя под наблюдением, но никогда не знал, в какое именно мгновение за ним следят.

Архивариус хранит Память. Надзиратель охраняет Закон. И сейчас Закон стоял на пороге её мастерской.

Виене вдруг показалось... что при скрипе двери капитан едва заметно дрогнул. Совсем немного. Будто резкий звук неприятно царапнул его слух. Он медленно повернул голову, так же неспешно осмотрел дверной створ и лишь после этого переступил порог.

Шёл Дэрис почти бесшумно. Так ступают крупные хищники. Уверенно. Лениво. Не потому, что пытаются скрыться, а оттого, что знают: убежать будут не они.

Виена только сейчас осознала, что стоит с открытым лицом. С кружкой горячего чая в ладонях. Она даже не успела вскинуть руку.

— Нарушение за нарушением... мисс Солвейн.

Голос, пробиваясь сквозь фильтры, звучал тяжело. Глухо. Почти безэмоционально. Но насмешку она всё равно уловила.

— Что же мне с вами делать?..

Она поспешно застегнула ремешки соналита, едва не расплескав чай на фартук. Дэрис проводил её движения взглядом. Томительно, слишком затяжно. Затем опустился в кресло для посетителей и вальяжно закинул ногу на ногу. Словно пришёл не в чужую мастерскую, а вернулся к себе домой.

— Как мой заказ?

— Пять единиц готовы... — Виена с трудом вернула голову рабочую ровность. — Ещё пять почти закончены.

Он слегка наклонил голову: — Хочу увидеть.

— Конечно.

Она поспешила в соседнюю комнату. Здесь вдоль стен тянулись высокие стеллажи, где на полках покоились десятки готовых масок. Неделию назад капитан лично принёс десять штук из экипировки своего отряда.

Это был необычный заказ.

Капитан потребовал модернизировать их всего за десять дней. Усилить фильтрацию, облегчить дыхание, сделать внутренние механизмы почти бесшумными. И, главное, изменить систему голосового резонатора так, чтобы команды командира оставались различимы даже сквозь грохот паровых машин. На подобный труд обычно уходил месяц.

Виена вынесла пять готовых изделий и аккуратно разложила их на длинном деревянном прилавке.

— Вот.

Дэрис не ответил. Он долго всматривался в угольный соналит. Не торопясь. Будто оценивал не качество подгонки деталей, а человека, который её выполнил.

Наконец он взял одну из пластин, повернул в ладонях. Большим пальцем медленно провёл по тонкой серебряной линии.

— Легче.

— Да. Я заменила внутренние пластины. Теперь дышать

проще.

Он кивнул, разворачивая защиту другой стороной: — И тише.

— Вы просили сделать почти бесшумный механизм.

— Просил.

В мастерской снова воцарился покой. Слышно было только, как в маленьком чайнике у печки едва заметно шипит вода.

Дэрис опустил соналит на место. Очень аккуратно. Будто это была хрупкая драгоценность. А затем неторопливо пошёл вдоль стены.

Он ни к чему не прикасался. Только изучал взглядом инструменты, стеллажи, полки с чертежами и десятки разобранных узлов. Возле окна Страж замер — как раз напротив дальней полки, на которой скопился странный хлам: старые часы, разбитый компас, детский механический волчок, треснувший хронометр, сломанный латунный фонарь. Ни одна из этих находок не принадлежала Лиге. Их давно следовало сдать в утиль, но они упрямо оставались здесь.

— Это что? — спросил он, не оборачиваясь.

— Они ждут своей очереди.

— Их уже никто не заберёт, мисс Солвейн.

— Возможно.

— Тогда зачем хранить?

Виена сдержанно пожала плечами: — Красивый механизм. Жалко.

Или потому, что они ещё не сдались.

Дэрис взял треснувший хронометр, повертел его в пальцах и вернул на полку. Очень осторожно. Будто действительно боялся повредить то, что и так было мертво.

Он немного повертел треснувший хронометр в руках. Поставил обратно. Очень осторожно. Будто боялся его повредить.

— Ты любишь чинить вещи.

— Конечно.

— Даже те, которые уже никому не нужны?

Она улыбнулась под белым соналитом: — Иногда именно они — самые интересные.

Дэрис смотрел теперь уже не на мастерскую, а на неё. Томительно, пристально. Под этим тяжелым взглядом Виена впервые почувствовала себя неловко. Она сделала вид, будто поправляет инструменты: переложила отвёртку, подвинула коробку с пружинами. Почему-то отчаянно захотелось занять руки.

— Говорят... — начал он спокойно, — ты никогда не отказываешь заказчикам.

— Если могу помочь.

— Даже бесплатно.

Она чуть смутилась: — Иногда.

— Странно.

— Почему?

Он сделал ещё несколько шагов. Теперь между ними оста-

валось всего пара локтей.

— Люди редко делают что-то просто так.

— Наверное.

— А ты?

— Мне нравится моя работа.

Он слегка наклонил голову, будто услышал ответ, которого совсем не ожидал.

— Да... Верю.

Снова тишина. Слишком длинная, звенящая. Она уже хотела спросить, не нужно ли ещё что-нибудь проверить... но не успела.

Дэрис сделал ещё один шаг. Совсем небольшой, и мастерская неожиданно стала душной, тесной. Он оказался слишком близко — настолько, что до неё долетел запах его плаща. Холодный металл, машинное масло и едва уловимый аромат прокопчённого дымом дерева.

Она невольно отступила, спиной почти коснувшись стеллажа. Он этого словно не заметил. Или искусно сделал вид.

— Здесь жарко.

— Что?

— В маске.

Он смотрел ей прямо в глаза. Пронзительно. Не отрываясь.

Виена первой отвела взгляд. — Я... пожалуй, унесу изделия на место.

Она взяла со стола стопку готовой защиты.

— Конечно, — спокойно ответил Дэрис. Слишком спокойно.

Она быстро прошла в соседнюю комнату. Здесь всегда пахло древесиной, гарью и горячим металлом. Высокие стеллажи уходили почти под самый потолок. Виена вернула на полку первую пластину. Потом вторую. Третью. Четвёртую.

Она уже потянулась к верхнему ярусу с пятой... и вдруг замерла. Воздух за спиной изменился, став плотным, горячим.

Тишина. Абсолютная.

Ни шагов. Ни скрипа пола. Ни шелеста одежды. Только тихое шипение далёкого парового котла.

Она медленно вдохнула сквозь фильтры.

И в этот момент... по обе стороны от неё на деревянную полку легли две большие мужские ладони.

Она резко вздрогнула. Последняя пластина едва не выскользнула из пальцев.

Дэрис.

Капитан стоял у неё за спиной, отрезая любой путь к отступлению. Виена даже не услышала, как он вошёл. Пока она раскладывала изделия, Страж бесшумно последовал за ней.

Их касту вообще редко удавалось услышать: мягкие подошвы форменных сапог, особый крой ткани, идеально смазанные крепления снаряжения. Говорили, настоящий Надзиратель способен пробежать по стальному мосту, не выдав себя ни единым шорохом. Теперь Виена знала, что это не

пустые слухи.

В народе их называли Железными Стражами или Тенями Тумана. Последнее имя нравилось девушке меньше всего — именно оттого, что являлось правдой. В Едином Городе поговаривали, что смерти бояться не стоит. Бояться нужно тихого стука в дверь. Ведь чаще всего на пороге оказывались они. Приходили и уводили прочь — в Лигу Шахтёров, под бесконечную пелену, откуда почти никто не возвращался.

— Так вот где ты прячешь свои сокровища... — почти шёпотом произнёс он.

Виена резко обернулась, прижавшись спиной к полкам стеллажа. Дэрис по-прежнему возвышался над ней слишком близко. Каждая секунда в этом замкнутом пространстве казалась удушающей.

— Странно... — протянул он. В узких прорезях его дыхательной решётки угадывалось мрачное любопытство.

— Что? — едва слышно спросила она. Голос соналита подвёл её, прозвучав испуганно.

— Ты каждый день создаёшь лица для других. А твоего собственного лица в этом квартале никто не видел.

Виена невольно попыталась отстраниться, но позади была лишь стена. — Таков закон.

— Закон... — капитан тихо усмехнулся. — Иногда правила приходится толковать тем, кто их охраняет.

Он сократил и без того ничтожное расстояние между ними. — Сними маску.

Она растерянно взглянула на матовый чёрный соналит перед собой. — Простите?..

— Хочу увидеть твоё лицо.

Сердце Виены сорвалось на безумный, панический бег.

Перед глазами всплыли строгие строки **Закона Тишины**:

«Каждый житель Единого Города обязан носить Маску Безмолвия во всех общественных местах, на службе, в мастерских и учреждениях. Снимать её разрешается только дома, во время сна, при приёме пищи либо по предписанию Целителей. Нарушение закона карается общественными работами, денежным взысканием или заключением под стражу».

Почему... почему капитан требует нарушить собственный закон? Проверка? Провокация?

Она покачала головой: — Закон запрещает...

Дэрис чуть склонил голову, будто услышал что-то любопытное.

— Закон... — произнёс он это слово почти задумчиво. — Я и есть тот, кто следит за его исполнением.

Он сделал ещё один шаг. Теперь между ними оставалось не больше ладони.

— Или ты решила, что капитан Стражи не знает исключений?

Виена почувствовала, как сердце пускается в безумный пляс. Она несмело подняла ладони к затылку, но пальцы

слишком сильно дрожали.

Расстегнуть застёжку она не успела. Дэрис спокойно перехватил её запястье. Не грубо, даже почти осторожно — словно помогал справиться с непослушным замком. Другой рукой он легко коснулся крепления.

Щёлк.

Белая пластина оказалась у него в ладони.

Свежий, сырой воздух Квартала Механиков коснулся обнажённой кожи, и Виена инстинктивно сделала глубокий, судорожный вдох. Дэрис молчал. Он просто созерцал её — долго, изучающе, будто перед ним находился редчайший, чудом уцелевший артефакт ушедшей эпохи. В его тяжёлом взоре не угадывалось ни мужского восхищения, ни робкой нежности. Только холодный, трезвый расчёт. Словно Страж оценивал драгоценную вещь, которая по праву Закона однажды непременно станет его личной собственностью.

Он всматривался в неё слишком долго, не позволяя отвернуться.

Виена физически чувствовала, как ветер касается её открытых губ — впервые за долгие, душные часы работы. Её лицо, сохранившее мягкий изгиб естественных бровей, было бледным от бессонных ночей, но большие выразительные глаза — серо-зелёные, с яркими янтарными искрами в самой глубине — упрямо смотрели на карателя с немим вызовом. Тонкие скулы напряглись, а чуть прикушенная губа крупно дрожала. Тёмные густые волосы, отсыревшие от Тумана и

рассыпавшиеся мягкими волнами по плечам, окончательно выбились из небрежного хвоста, едва касаясь лопаток.

Она была потрясающе красивой. Не холодной, не кукольной, а живой, настоящей, дышащей.

— Красавица... — сорвалось с его уст.

Это прозвучало почти равнодушно, как сухая констатация ремесленного факта. Но Виена отчётливо слышала, как на этой короткой фразе предательски дрогнул металлический голос мужчины.

— Значит... — Капитан едва заметно приподнял уголки губ под своим чёрным соналитом. — Мне всё-таки не показалось...

Виена безмолвствовала. Под этим липким, оценивающим взглядом она физически не могла выдавить из себя ни единого звука.

Надзиратель протянул ладонь. Кончиками пальцев неспешно убрал выбившуюся прядь за её ухо. Виена вздрогнула, но отступать было некуда — позади глухой стеной стояли стеллажи.

Дэрис слегка наклонился и только теперь поднял руку к собственному лицу. На одно короткое мгновение он замер, словно сам наслаждался предвкушением того, что делает. Потом так же спокойно расстегнул крепления.

Матовый чёрный соналит опустился ему в ладонь.

Впервые Виене открылся его истинный облик. Красивый. Правильный. Сильный подбородок, чёткие скулы, темные

жесткие брови. Облик человека, которому люди легко и слепо доверились бы.

И совершенно пустые глаза. В них не угадывалось ни тепла, ни желания, ни страсти. Только абсолютная уверенность. Уверенность хищника, привыкшего безраздельно получать всё, что посчитает своим.

Он едва заметно улыбнулся: — Видишь... Нарушать закон иногда полезно. Особенно тому... кто его охраняет.

Он наклонился ещё ближе. И прежде, чем Виена успела отвернуться, его губы коснулись её губ.

Страх оказался быстрее мысли. На подсознательном импульсе она резко укусила его.

Дэрис отшатнулся. На его нижней губе мгновенно выступила тонкая полоса крови. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Мужчина медленно провел большим пальцем по коже, стирая багровую влагу, изучил след и неожиданно тихо рассмеялся. Теперь уже по-настоящему. Не зло — хуже. Будто перед ним возникла сложная, но чертовски интересная задача.

— Любопытно...

В этот момент снаружи снова скрипнула входная дверь. Оба одновременно повернули головы к выходу.

Дэрис даже не вздрогнул. Лишь хладнокровно поднял свою защиту и так же неторопливо, как снимал её минуту назад, вернул на место. Пальцы привычным, отточенным до автоматизма движением защелкнули ремешок на затылке.

Матовый угольный соналит снова поглотил его облик. Через мгновение перед Виеной вновь стоял не мужчина. Капитан Стражи. Безликий. Непроницаемый. Будто ничего не произошло.

Виена схватила со стола Маску Безмолвия. Пальцы дрожали так сильно, что застёжка никак не попадала в пазы. Наконец крепление защёлкнулось. Она судорожно поймала ртом струю очищенного воздуха. Выдох... И снова глубокий, спасительный вдох.

Лишь вернув относительное спокойствие, она вышла в приёмную.

Там уже стоял Кейл — пожалуй, единственный человек, которого она могла бы назвать другом, если бы в Едином Городе вообще существовало такое понятие. Радостный настрой ещё сквозил в его быстрой осанке, когда он шагнул навстречу: — Виена, я...

Он резко осёкся, заметив выходящего из складской комнаты Надзирателя.

Весёлый блеск мгновенно испарился из его глаз, уступив место предельной настороженности. Кейл тут же выпрямился, его плечи напряглись, а взгляд сделался колючим, жёстким.

Несколько долгих, удушающих секунд мужчины молча мерили друг друга силой. Дэрис едва заметно кивнул. Кейл ответил тем же скупым движением. Ни один не отвёл глаз первым.

Лишь после этой безмолвной дуэли командир Стражи направился к выходу. У самой двери он остановился и, не оборачиваясь, глухо бросил в пустоту м

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.